

МУЗЕЙ АННЫ АХМАТОВОЙ
В ФОНТАННОМ ДОМЕ

**ИННОКЕНТИЙ
АННЕНСКИЙ
И
РУССКАЯ
КУЛЬТУРА
XX ВЕКА**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

АО АРДИС

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1998

**ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ – «ДРУГОЙ»
В СТИХОТВОРЕНИИ И. Ф. АННЕНСКОГО**

Во всех комментированных изданиях творческого наследия И. Ф. Анненского, осуществленных до 1990 года, об адресате стихотворения «Другому», входящего в «Кипарисовый ларец», не высказывалось никаких соображений. Лишь во втором издании «Стихотворений и трагедий» в примечаниях А. В. Федорова «Другому» интерпретируется следующим образом: «Отсутствие посв<ящения>, видимо, неслучайно. Хотя, возможно, имеется в виду К. Д. Бальмонт, одно время высоко ценимый Анненским, ст<ихотворе>ние дает обобщенный образ поэта, которого автор противопоставляет себе»¹. Предположение о том, что «Другой» Анненского – его дистанцированное второе «я», отчасти идеал автора, отчасти объект полемики с самим собою, высказывалось и ранее²; что же касается догадки относительно Бальмонта, то едва ли она имеет под собой прочные основания: никаких аргументов в пользу такого соотношения А. В. Федоров не привел, хотя в данном случае они были бы весьма уместны, поскольку самоочевидных черт сходства между образом Другого в стихотворении Анненского и Бальмонтом, а также специфическими особенностями, формирующими образ поэзии Бальмонта, явно не наблюдается.

Между тем еще в 1966 году П. П. Громов, анализируя стихотворное послание А. Блока «Вячеславу Иванову», дающее целостную концепцию творчества мэтра русских символистов – «царя самодержавного», указал на «поражающую своей внутренней близостью к Блоку стихотворную аналогию»: «„Другой“ в стихотворении Анненского – это, так же как и у Блока, человек цельности, широты, «царственного» размаха, питающихся «вьюгой», «вихрями», стихийными началами жизни...» Отметив, что образу творчества «Другого» у Анненского противопоставлен собственный поэтический кодекс («Мой лучший сон – за тканью Андромаха»), Громов подчеркнул: «Трагически-скорбный образ Андромахи тут несет примерно то же содержание, что блоковские формулы «печальный, нищий, жесткий»; им противостоит «дионисийская стихийность» игнорирующих трагизм реальной жизни «синтетических» концепций»³. Исследователь прямо не утверждает, что в обличье «Другого» выступает Вяч. Иванов, однако прослеженное им разительное сходство между адресатами стихотворений Анненского и Блока говорит само за себя. Вывод, к которому подводили наблюдения Громова, четко сформулировала И. В. Корецкая в статье о Вячеславе Иванове и Иннокентии Анненском⁴; одновременно с нею была опубликована статья Катрионы Келли, специально посвященная обоснованию тезиса о тождестве «Другого» и Вяч. Иванова⁵.

Среди аргументов, выдвинутых К. Келли и И. В. Корецкой, – указания на сугубо «ивановские» специфические черты, составляющие творческий облик «Другого»: *менады* («Твои мечты – менады по ночам»), отсылаю-

щие к одному из самых характерных для Иванова стихотворений (в самой первой фразе статьи Анненского «О современном лиризме» обыгрывается этот образ, олицетворяющий у него всю символистскую поэзию, и далее весь ход размышлений автора о «современной менаде» организуется вокруг цитат из стихотворения Иванова «Скорбь напла и смуга на Мэнаду...») ⁶; *безумный порыв* («Я полубил безумный твой порыв»), *огонь* («Ты весь – огонь») – атрибуты «дионисийских» вдохновений, питавших поэзию Иванова; богоподобие и торжествующее величие («И бог ты там, где я лишь моралист», «Ты – в лепестках душистого венца», «Ты памятник оставишь по себе, / Незыблемый, хоть сладостно-воздушный...») – устойчивые мифопоэтические приметы образа мастера, нашедшие свое законченное воплощение в формуле «Вячеслав Великолепный».

Вне поля зрения интерпретаторов стихотворения осталась, однако, одна конкретная примета, дополнительно убеждающая в правомерности принятой «дешифровки»: строки «Зато нигде мой строгий карандаш / Не уступал своих созвучий точкам», безусловно, указывают на лирический цикл Иванова «Повечерие», опубликованный в 1908 году в «Весах». Восьмое, заключительное стихотворение цикла – незаконченный сонет «Моя любовь – осенний небосвод...»: его словесный текст исчерпывается восемью строками – двумя катренами, вместо двух завершающих сонет терцетов – шесть строк, обозначенных точками ⁷ (исключительно значимый по смысловой силе, согласно тыняновской терминологии, «эквивалент текста»: работа Иванова над сонетом оборвалась незадолго до начала предсмертной болезни его жены, Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, позднее поэт не считал возможным «дописать» стихотворение, завершавшее обращенный к ней пикл) ⁸. Еще одним подтверждением того, что «Другой» в сознании автора ассоциировался непосредственно с Вяч. Ивановым, служит стихотворный экспромт Анненского «Мифотворцу на башню» ⁹; один из его автографов, озаглавленный «На башне летом» ¹⁰, имеющий посвящение «В. И. Иванову» и датированный 21 июня 1909 года, включает три варианта четвертой строки:

а	А там другой Жилец уж, сед
б	А там Другой ютится, сед
в	А там Другой уж – пыльно-сед

«Жилец» знаменитой «башни», Вячеслав Иванов, предстает здесь – не случайно – как «Другой» (с прописной буквы!).

К. Келли в своей работе акцентирует также внимание на тех аспектах, которые объясняют близость между Анненским и Ивановым и закономерность возникновения между ними продуктивного творческого диалога, – на возрастной близости поэтов, на их особом положении, как «старших», наиболее опытных и искушенных, в кругу «младших» современников-символистов, на том, что оба они были профессиональными филологами-классиками, свободно ориентировавшимися в культурных сферах, доступных немногим, и т. д. ¹¹ Отмечает она и каламбурные аллюзии в заглавии рассматриваемого стихотворения: «Другому» соотносится с обиходными в кругу символистов, часто торжественными по стилю, посвящениями, обращенными друг к другу ¹²; в статье «О современном лиризме» Анненский

писал в этой связи: «Наше декадентство, конечно, не западное: оно имеет свой колорит. Например, приходится видеть, как меняются между собой то акростихами, то печатными подписями вроде «Другу и Брату» крупные и серьезные поэты... А кто не слышал о рифмах Брюсовского сонета, которые угадал Вячеслав Иванов?»¹³ Формула «Другу и Брату», на которую иронически и полемически откликается Анненский заглавием своего стихотворения, ближайшим образом восходит к посвящениям, открывающим две поэтические книги В. Брюсова: «К. Д. Бальмонту, другу и брату» («Urbi et Orbi», 1903), «Вячеславу Иванову, поэту, мыслителю, другу» («Στέφανος Βενος», 1906)¹⁴. Обращение к «Другому» позволяет рассматривать творческий жест Анненского в том же ряду («поэт – поэту», «равный – равному») и одновременно недвусмысленно говорит о том особом, суверенном положении в ряду «равных», на которое претендовал автор стихотворения, о дистанции, отделяющей близкий и дорогой ему мир поэтических образов и мотивов от столь же определенного и самодостаточного в своей цельности мира поэзии Вяч. Иванова.

Такое положение Вячеслава Иванова и Иннокентия Анненского, их творческих принципов и духовно-эстетических предпочтений друг относительно друга обозначилось со всей отчетливостью весной 1909 года, когда они встретились как идейные вдохновители и ближайшие сотрудники новообразованного журнала «Аполлон». Редактор будущего журнала С. К. Маковский стремился привлечь к своему начинанию всех наиболее ярких и значительных представителей «нового» искусства, возлагая при этом самые серьезные надежды главным образом на Анненского и Иванова, на их глубокий духовный опыт, широчайшую эрудицию, дар общения и безусловный авторитет в кругу более молодых «аполлоновцев». Анненского Маковский изначально воспринимал как своего основного союзника в отстаивании собственно «аполлонических» начал гармонии, меры, самоценного, свободного, «стройного» творчества, видя в его художественных пристрастиях необходимый идейно-эстетический противовес религиозно-теургическим и «дионисийским» уклонам Иванова¹⁵. После первого организационного собрания участников задуманного журнала Маковский писал Анненскому (12 мая 1909 года): «...хочется еще раз сказать Вам, с каким восторженным чувством я отношусь к нашему «союзу» в редактировании «Аполлона». Прошедшее собрание липиний раз воочию убедило меня, что наша «икона» должна сделаться поистине чудотворной. Разве общее настроение не было именно таким, каким должно было быть? Все это предвещает прекрасное начало. Как удачно вышло, что не было Иванова. А Вы еще хотели, чтобы он председательствовал! Нам нужно создать свою атмосферу, свое дружное и авторитетное credo, и пока оно действительно в Вашем лице, я верю абсолютно в наш успех»¹⁶. Вместе с тем ближайшее участие Иванова в «Аполлоне» было для Маковского чрезвычайно значимым и желанным; в своем стремлении заручиться поддержкой со стороны признанного вождя петербургских символистов редактор журнала также всецело полагался на Анненского. Подтверждая договоренность о совместном с Ивановым визите к Анненскому в Царское Село¹⁷, Маковский писал ему 20 мая 1909 года: «Итак – в пятницу <22 мая> мы будем в Вашем гостеприимном доме на Захарьевской.

Я предвижу интересный обмен идей с В. Ивановым. Как Вы полагаете? Мне бы очень хотелось, чтобы Вы очаровали и его, как всех будущих «аполлонистов». Он может быть чрезвычайно полезен: не правда ли? Весь петербургский молодой писательский мир с ним очень считается. Сделать его «своим» – было бы настоящим приобретением. Но *своим* в кавычках, разумеется!»¹⁸ Позднее Маковский сообщил об этом визите в письме к В. Э. Мейерхольду (10 июля 1909 года): «С Вяч. Ивановым я провел, неделю назад, целый день, – вместе ездили в Царское к Анненскому, долго беседовали о журнале...»¹⁹

Стихотворение «Другому» (не имеющее авторской датировки) включено в план «Кипарисового ларца», составленный Анненским не позднее 31 мая 1909 года²⁰. Поскольку все основные осуществленные к этому времени мероприятия, встречи, беседы, связанные с определением идейно-эстетической платформы «Аполлона» и актуализировавшие в кругу будущих «аполлоновцев» проблему со- и противопоставления двух мастеров (проблему, безусловно, существенно значимую и для Анненского), приходились главным образом на май 1909 года, можно предположить, что «Другому» было написано в том же месяце. Сблизившись на «аполлоновской» почве, Иванов и Анненский, естественно, находили темы для продуктивного диалога, не сводившиеся к выработке журнального кредо и обрисовке контуров «аполлонизма» по отношению к «дионисизму» или к каким-либо иным метакультурным дефинициям. Однако и в других сферах – и прежде всего в сфере классической древности, глубоко постигнутой ими обоими, – обнаруживалось то же разномыслие, то же различие в идеалах и пристрастиях, что и при их самоопределении в системе современной литературы. Примечательно в этом отношении письмо Анненского к Иванову от 24 мая 1909 года (ранее не публиковавшееся), продолжающее начатый – видимо, при встрече в Царском Селе 22 мая – разговор о Елене, прекраснейшей из женщин в греческой мифологии, и трактовке этого образа во 2-й части «Фауста» Гете. Трудно судить, какие именно воззрения отстаивал в беседе Иванов, однако ясно, что Анненский в своем послании обрисовывает, опять же, «другую» Елену, – пронизывая мифологические образы собственной поэтической интуицией и превращая «ученый» спор в опосредованное признание о самом себе, обнажая (по удивительно точным словам о нем того же Иванова) «всю тонкотканную сложность... стесненной своим богатством, ширококрылой и надломленной души»²¹:

24 мая 1909.

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

Если бы можно было этими строками заменить разговор! Но они лишь утешают меня, да и то слабо, в невозможности прийти к Вам сегодня, как я собирался было.

Я так *устал вперед* (омерзительнейшая из форм усталости) от перспектив еще этой, хотя и одной из последних недель, моей службы²², – что признаю неизбежным просидеть сегодня дома. Надо это... инстинктом чувствую, что надо. Знаете, как лошадь, на Кавказе: оступится, – и окаменеет – обращайтесь с нею, как с вещью. Всякому ведь еще хочется жевать и видеть, даже не видеть... а так... опять это?.. Нет... перечитывал, наизусть знаю... нет, нет и нет!

Елена Гете для нас, т.е. для моего коллективного, случайного Я, не может быть тем, чем сделало ее Ваше, личный и гордый человек! И мы не выродились вовсе в своей безличности. Тогда было тоже... но оно еще не выявилось и не обострилось, не *обвещи-*лось так, как теперь. Вот и все.

Елена, это – неполнота владения женщиной, и в ней две стороны. Елена культа, это – сознание женщины, а Елена мифа, это – желание мужчин.

Призрачность же Елены – вовсе не покаянная песнь Тисии – хоро-становителя, а лишь – Роковая развешанность «вечно-женского» по послушным и молящим, но быстро стынувшим вождениям. Вся Елена – из желаний: и в Амиклах на троне, и там – на Белом острове с загробно-торжествующим, но землю обгаренным сыном Фетиды в виде жениха²⁵, там среди белых птиц, крылатых желаний, пришедших следом и всюду за ней родящихся...

Одевайте Елену в какие хотите философемы, но что-то в самой загадочности ее сидит мучительно- и неистоцимо-грубое, чего не разложит даже электричество мысли, и всегда, всегда так было.

Нет, я слишком дорого заплатил за оголтелость моего мира – не я, а Я, конечно – чтобы не сметь поставить... стоп... потопим в чернильнице кощунство!

Хотелось бы очень Вас послушать, именно послушать... молча... Но до менее взволнованно-больных минут, чем теперь, сейчас.

Ваш И. Анненский²⁴.

Трудно со всей определенностью судить, познакомился ли Иванов со стихотворением «Другому» еще при жизни автора или прочел его впервые уже после его кончины – в ходе работы над статьей «О поэзии Иннокентия Анненского» (декабрь 1909 – январь 1910 года) или после выхода в свет «Кипарисового ларца» (апрель 1910-го)²⁵. Адресованное Анненскому стихотворное послание Иванова «Зачем у кельи Ты подслушал...» (авторская датировка: 14 октября 1909 года), явных откликов на стихотворение «Другому» не содержащее, вызвано к жизни, скорее всего, статьей «О современном лиризме», обсуждавшейся в редакции «Аполлона» в отсутствие автора, еще до ее публикации в журнале (по-видимому, 6 ноября 1909 года)²⁶. Обращение к Анненскому («обнажитель беспощадный») и авторская характеристика («я – сокровен...») в послании Иванова скрывают уязвленность интерпретацией его поэзии в этой статье как поэзии темнот и криптограмм, непонятной для читателей, «не успевших заглянуть в Брокгауз-Ефрона», и требующей комментария²⁷. В то же время это стихотворение, – завершающееся строкой: «Будь, слышащий, благословен!», – явно преследовало целью сгладить наметившийся конфликт²⁸, на который намекает и Анненский в ответном благодарственном письме от 17 октября: «Когда-нибудь... связанные и не знающие друг друга, мы еще продолжим возникшее между нами недоразумение. Только не в узкости личной полемики, оправданий и объяснений, а в свободной дифференциации, в посменном расцветении волнующей нас обеих Мысли»²⁹. Но даже если Иванов, сочиняя заключительные фразы статьи «О поэзии Иннокентия Анненского», еще не знал тех строк из стихотворения Анненского «Другому», в которых за словами о «незыблемом памятнике» «Другого» следовали догадки о грядущей судьбе его собственного творчества:

Моей мечты бесследно минет день...
Как знать? А вдруг, с душой подвижной моря,

Другой поэт ее полюбит тень

В петрунато-торжественном уборе... –

тем значимее сформулированный им прогноз: «...Анненский становится на наших глазах зачинателем нового типа лирики, нового лада, в котором легко могут выплакать свою обиду на жизнь души хрупкие и надломленные, чувственные и стыдливые, дерзкие и застенчивые, оберегающие одиночество своего заветного уголка, скупые нищие жизни»³⁰. Со словами покойного поэта о своих стихах эти суждения «Другого» звучат вполне в унисон.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Анненский И. Стихотворения и трагедии. (Б-ка поэта. Бол. сер.) Л., 1990. С. 575.
- ² См.: Bazzarelli E. La poesia di Innocentij Annenskij. Milano, 1965. P. 46; Alexander J. Annenskij and the «Other»: a Reading of «Drugomu» // Canadian Slavonic Papers. 1982. V. 24. № 3. P. 221–228.
- ³ Громов П. А. Блок, его предшественники и современники. М., Л., 1966. С. 218–219.
- ⁴ Корецкая И. Вячеслав Иванов и Иннокентий Анненский // Культура и память: Третий международный симпозиум, посвященный Вячеславу Иванову. II: Доклады на русском языке / Под ред. Фаусто Мальковати. Firenze, 1988. С. 83–91.
- ⁵ Kelly Catriona. Vjačeslav Ivanov as the «Other»: A contribution to the «Drugomu» debate // Cultura e memoria. Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjačeslav Ivanov. I: Testi in italiano, francese, inglese / A cura di Fausto Malcovati. Firenze, 1988. P. 151–161.
- ⁶ См.: Анненский И. Ф. Книги отражений. М., 1979. С. 328–330. Стихотворение Иванова, цитированное Анненским, было впервые напечатано под заглавием «Перед жертвой» (Факелы. Кн. 1. СПб., 1906. С. 59–61), впоследствии получило заглавие «Мэнада» (Иванов Вячеслав. Cor Ardens. М., 1911. Ч. 1. С. 7–8).
- ⁷ См.: Веси. 1908. № 4. С. 14; Иванов Вячеслав. Cor Ardens. Ч. 1. С. 79 (под заглавием «Exit Cor Ardens»).
- ⁸ См.: Дешарт О. Введение // Иванов Вячеслав. Собр. соч. Брюссель, 1971. Т. 1. С. 119.
- ⁹ Анненский И. Стихотворения и трагедии. С. 208.
- ¹⁰ Первоначальное заглавие – «Петербург летом» (РГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 19, л. 45 об.); в примечаниях к этому стихотворению (Анненский И. Стихотворения и трагедии. С. 584) заглавие приведено неверно: «На башню мифа».
- ¹¹ Kelly Catriona. Vjačeslav Ivanov as the «Other»... P. 152–154.
- ¹² Ibid. P. 157.
- ¹³ Анненский И. Ф. Книги отражений. С. 337.
- ¹⁴ Ср. строку в «Другому»: «Ты – в лепестках душистого венца»; она может ассоциироваться с заглавием книги Брюсова, посвященной Иванову, и с открывающим ее стихотворением – посвящением «Вячеславу Иванову», прославляющим «поэта, мыслителя, друга».
- ¹⁵ См.: Маковский С. Портреты современников. Нью-Йорк, 1955. С. 252–253; Анненский И. Ф. Письма к С. К. Маковскому / Публ. А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 222–241. В журнальном разделе «Пчелы и осы Аполлона» – в разговоре (участники которого скрыты под условными обозначениями) о предмете и задачах нового издания – различное понимание «аполлонического» начала обозначено в репликах «философа» (Иванова) и «профессора» (Анненского); «философ» утверждает: «Корни аполлонического искусства в Дионисе. <...> Аполлон. Это строго-священное видение встает, однако, уже за пределами жизни. Белый лик Аполлона мне рисуется, как лик смерти. Я не вижу, куда может вести Аполлон в жизни»; «профессор» парирует: «для меня Аполлон – символ культуры. Бог строя, меры, ясности, которого так недостает в наши дни смятенного хаоса. Я приветствую его возвращение на землю» (Аполлон. 1909. № 1 (окт.). Отд. 1. С. 81).
- ¹⁶ РГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 347.
- ¹⁷ Ср. письмо Маковского к Вяч. Иванову от 19 мая 1909 г.: «Только что я получил телеграмму от Ин. Фед. Анненского: он очень рад будет видеть нас у себя в пятницу. Итак, я надеюсь, что мы

встретимся в этот день, в 2 часа, на Царскосельском вокзале. Я уверен, что Вы не пожалеете об этом маленьком путешествии, а мне – доставите настоящую радость» (Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 139–140 / Подготовка текста Н.А. Богомолова и С.С. Гречишкина).

¹⁶ РГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 347.

¹⁹ Там же, ф. 998, оп. 1, ед. хр. 1930.

²⁰ См.: *Тименчик Р.* О составе сборника Иннокентия Анненского «Кипарисовый ларец» // Вопросы литературы. 1978. № 8. С. 311. «Скорее всего, – пишет Р. Тименчик, – этот план относится к весне 1909 года и связан с проектом издания при „Аполлоне“». В силу этого нельзя признать оправданным предположение И.В. Корещкой о том, что «Другому» является ответом на стихотворное послание Иванова Анненскому «Зачем у кельи Ты подслушал...» (позднее получившее заглавие «Ultimatum vale»), отосланное адресату 16 октября 1909 г. (*Корещкая И.* Вячеслав Иванов и Иннокентий Анненский. С. 85–86).

²¹ *Иванов Вяч.* Борозды и межи: Опыт эстетические и критические. М., 1916. С. 297 (статья «О поэзии Иннокентия Анненского», 1910).

²² Анненский подразумевает свою предполагаемую отставку с должности инспектора Санкт-Петербургского учебного округа. См.: *Федоров А.В.* Иннокентий Анненский: Личность и творчество. Л., 1984. С. 54–55.

²³ Амиклы – город в Спарте (Елена – супруга спартанского царя Менелая). По одной из версий мифа, зафиксированной Павсанием в «Описании Эллады» (III, 19, 13), Елена была перенесена после смерти на остров Левка в устье Дуная, где соединилась вечным союзом с погибшим в Троянской войне Ахиллом – сыном nereиды Фетиды.

²⁴ РГБ, ф. 109, карт. 11, ед. хр. 43.

²⁵ Ср.: *Тименчик Р.Д.* Поэзия И. Анненского в читательской среде 1910-х годов // А. Блок и его окружение: Блоковский сборник VI: Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 680. Тарту, 1985. С. 103.

²⁶ Ср. свидетельство М. А. Волошина в недатированном письме к Анненскому: «Я только что вернулся с великой при в редакции «Аполлона». <...> Статья Ваша многих заставила сердиться. Это безусловный успех» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. С. 229). Первый номер «Аполлона», в котором начата печатанием статья «О современном лиризме», вышел в свет 24 октября 1909 г. См. также: *Корещкая И.* Вячеслав Иванов и Иннокентий Анненский. С. 83–85.

²⁷ *Анненский И.Ф.* Книги отражений. С. 332–333. О реакции Иванова на статью «О современном лиризме» можно судить по замечанию в письме к нему С.К. Маковского (2 февраля 1910 г.): «Вы остались недовольны статьями Бенуа и Анненского...» (Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 142). Среди черновых заготовок к статье «О современном лиризме» имеются сделанные Анненским выписки из книги стихов Иванова «Прозрачность», а также наброски к поэтическому портрету Иванова (РГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 137, л. 12–17 об.): «Как пленяет эта смарагдная красота просветов в мучительстве достижений. Что-то редкое, самоцветное и любовное» (л. 12); «Неужто не поднимешься ты: над Красотою. Неужто?» (л. 13, в связи с цитатами из триптиха «Прежасное – мило»); «И только тогда она прекрасна, когда в ней есть сомнение, трепет, мольба о прощении – когда она живая человеческая краса, только тогда может эта мысль, пронизав нашу чувствительность, родить Красоту.

А у Вяч. Иванова

Снега, зарей одеты
В пустынях высоты.
Мы – Вечности обеты
В лазури Красоты.

Покинь земные плены,
Воссияй среди царей.

От персти взятым бреньем
Сгорала слепота:
На дальнее прозреньем
Врачует Красота

(л. 17–17 об.; цитаты из стихотворений «Поэты Духа» и «Воззревшие»; см.: *Иванов Вяч.* Прозрачность: Вторая книга лирики. М., 1904. С. 3, 29).

²⁸ То же стремление прочитывается и в письме Иванова, отправленном Анненскому, видимо, одновременно со стихотворением «Зачем у кельи Ты подслушал...»:

Пятница. 16. X. <1909>.

Дорогой и глубокоуважаемый Иннокентий Федорович,

Во вторник я не могу быть в «Академии» – а как хотелось бы слышать Вас, и как было бы нужно для дела! – Но во вторник заседание Совета Религ<иозно->Философ<ского> Общества, и я обязан сделать длинный, важный и безотлагательный доклад (по корректурам новой книги Розанова), определяющий ближайшие работы Общества. Об этом просто Вас извещаю.

Сердцем благодарный Вам за все, что Вы вложили в свое слово обо мне, – и дружески преданный

Вяч. Иванов

(РГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 328. Академия – Общество ревнителей художественного слова при редакции «Аполлона»; вторник – 20 октября. Книга В. В. Розанова – «В темных религиозных лучах», ее издание было запрещено цензурой – см. прим. Е. В. Барабанова к кн.: *Розанов В. В. Религия и культура*. М., 1990. Т. 1. С. 621–622). В книге Иванова «*Cor Ardens*» (Ч. 1. С. 174) стихотворение «*Ultimim vale*», посвященное Анненскому, датировано неточно (сентябрь 1909), – вероятно, по памяти.

²⁹ *Анненский И. Ф.* Книги отражений. С. 494, 667 (примечания И. И. Подольской). В этом издании письмо Анненского напечатано по автографу, сохранившемуся в его архиве; текст, отосланный адресату, хранится в архиве Иванова (РГБ, ф. 109, карт. 11, ед. хр. 43); существенных различий между ними нет.

³⁰ *Иванов Вяч.* Борозды и межи... С. 311.